
Валентина Панина
Опасные приключения друзей

Валентина Панина

Опасные приключения друзей

«Автор»
2026

Панина В. Г.

Опасные приключения друзей / В. Г. Панина — «Автор», 2026

У каждого из нас свои воспоминания о детстве – весёлые, смешные, трогательные и грустные. В детстве, конечно, цвета кажутся ярче, небо голубее, деревья выше, но вот доброта остается неизменной. Кто проводил летние каникулы у бабушки в деревне, тот поймёт, что у друзей не было иного выхода, как развлекать самим себя. А уж что им придёт в голову и сам Бог не ведает.

© Панина В. Г., 2026
© Автор, 2026

Валентина Панина
Опасные приключения друзей

Глава 1

Ах, этот сказочный мир! Мир полный приключений, волшебства, мир добра, дружбы и взаимовыручки. Люди! Вы должны верить в этот сказочный мир, чтобы он не перестал существовать! Верьте в чудо и чудеса не заставят себя ждать. Они наполнят вашу жизнь счастьем, добротой и радостью! А чудеса происходят... С каждым из нас они случаются каждый день, просто мы не всегда их замечаем или просто не обращаем внимания, потому что наступившее утро это уже чудо, но для нас это привычное явление.

У каждого из нас свои воспоминания о детстве – весёлые, смешные, трогательные и грустные. В детстве, конечно, цвета кажутся ярче, небо голубее, деревья выше, но вот доброта остается неизменной.

Леса, перелески, поля и поляны, сады и луга, всё в природе затихает от летнего зноя. Идёт закономерный процесс выращивания молодого поколения птиц. Кукушка и соловей не поют, но не утихает дергач, а его передёргивает перепёлка, пока идёт сенокос. Вечером после алой зари: — Груздь! Груздь! — вопит дергач. А ему может отвечать перепёлка: — Кот идёт! Кот идёт!

Дом, в котором живёт Мишина бабушка, не так уж плох. Он не очень большой, но построен из толстых брёвен больше полвека назад с высокой двускатной крышей, а на окнах резные наличники, сделанные с большой любовью и старанием дедом. В доме три комнаты и кухня, а под крышей чердак с маленьким окошком, на котором бабушка хранит старые, но дорогие ей вещи. В доме русская печь с лежанкой, на полу домотканые дорожки и везде, где только можно, вышитые и вязаные крючком салфеточки. Уютно. В городе такого не увидишь. На кухне старый холодильник. Он вечно начинает работать неожиданно: сначала вздрогнет всем корпусом, а потом рычанием и гулом заставлял вздрогнуть присутствующих.

За домом небольшой огород, в котором у бабушки несколько грядок, а вдоль забора растёт малина, яблоня и в дальнем углу огорода кусты шиповника. Перед домом небольшой палисадник с цветами. Всё это огорожено забором из крашенных в зелёный цвет штакетин и в нём две калитки — одна выходит на улицу, а вторая в задней части огорода выходит в сторону леса, и запираются они обе на простой шпингалет. Там же, в конце огорода, стоит небольшая банька. Недалеко от дома начинается лес. Высокие сосны стоят стеной как щит для деревни от холодных ветров. Сосны высокие, стройные с небольшой порослью внизу.

Деревенская жизнь заметно отличается от городской. Здесь она спокойная, размеренная. Летом в жару в деревне жизнь, кажется, замирает, но зато утром начинается чуть свет. Далеко до появления первых лучей солнца пастух начинает собирать стадо, пощёлкивая длинным кнутом. Из дворов выгоняют животных, пастух, приняв живность, гонит стадо дальше по улице. К этому времени коровы уже подоены и молоко процежено, а хозяйки начинают готовить завтрак.

Утесистые и местами лесистые вершины высоких хребтов гор, оцепившие деревню Раскудыкино со всех сторон, притягивают взгляд своей красотой. Деревня стоит на высоком берегу реки Журчалки, мелководной, каменистой речки, которая постоянно шумит на перекатах, но есть в ней и глубокие места, где местная детвора летом купается, а женщины ходят туда полоскать бельё.

Два десятилетних друга Мишка и Данька живут по соседству. Мишкины родители считают за благо пожить ему в деревне на свежем воздухе и парном молоке, а Мишка…да, что Мишка, кто ж его будет спрашивать! Сказано в деревню, значит в деревню! Здесь же каждое лето появляется ещё одна подневольная душа Катька Распутина, вполне оправдывающая фамилию своим поведением. Жёсткая девочка! Чуть что не по ней, сразу в глаз.

Разговоры друзей всегда сводятся к одному: им всё надоело, заела скука и хочется побывать в настоящем мире, где много приключений и что-то такое от чего бросает в дрожь. Мишку родители каждое лето привозят к бабушке, Анне Ивановне, на всё лето. Бабка у Мишки ещё тот цветочек аленький, рука тяжёлая, как сама жизнь. У неё не забалуешь! Но Мишка её не боится, бабушка его любит и максимум, что она делает в ответ на его шалости, грозно смотрит на него своими прищуренными глазами и грозит пальцем, но хворостина у неё всегда под рукой для острастки. А Данька живёт по соседству с Мишкиной бабушкой с родителями. Данькин отец, Андрей Васильевич Одинцов, высокий мужчина с небольшой темно-русой бородкой, и озорным лукавым блеском голубых глаз, с утра всегда уходит работать в поле. Данькина мать, Мария Тихомировна, а попросту Маруся, крепкая симпатичная женщина лет сорока, с узлом светлых волос на затылке так же рано утром уходит на ферму и Данька целый день предоставлен сам себе.

Однажды, как только наступили каникулы, Мишка поздно вечером появился у бабушки. Данька, едва дождавшись утра, побежал к другу. Постучав в окно, он стал приплясывать от нетерпения, дожидаясь, когда Мишка выйдет. Мишка проснулся от стука в окошко, встал, сунул ноги в тапочки и сонной, шатающейся походкой ещё не проснувшегося человека, взлохмаченный появился на крыльце и недовольно буркнул:

— Ты чё в такую рань прибежал?

— Мишка! Привет! Наконец-то я тебя дождался! Думал, что ты уже не приедешь.

— Ага! Кто бы меня спрашивал, хочу я в деревню ехать или нет!

— Ну, так это здóрово, что ты приехал! Я тебе такое скажу! Такое!

— Какое? — у Мишки вдруг сон как рукой сняло, он с интересом уставился на Даньку.

— Катька тоже на всё лето приехала к бабушке!

— Ну и чё?

— Так весело будет. Она в прошлом году на осенние каникулы приезжала, мы с ней в лес ходили, там пещеру видели, глубокую, правда в неё не полезли, у нас с собой фонариков не было. Мы можем нынче туда сходить, посмотреть, что в ней. Правда, идти далековато. Да и ладно!

— А вдруг там медведь живёт — предположил Мишка, — залезешь туда и ага! Голову откусит.

— Медведи летом не живут в берлогах, они по лесу ходят. Да у нас тут никогда их и не было. А в этой пещере не мог жить медведь, потому что там лаз очень узкий. Ладно, ты иди, завтракай, да пойдём к Катьке.

Мишка, тряхнув головой, побрызгал в лицо холодной водой из бочки, стоявшей у забора. «Ух, холодная!» — поёжился он.

— Зато быстро проснёшься, — хохотнул Данька.

Мишка намочил ладошки, повозил ими по лицу, потом обмакнув в воде оба указательных пальца, протёр глаза, а Данька, наблюдая, как его друг умывается, стоял и хохотал.

— Ты чего тут стоишь, ржёшь? Чё смешного увидел?

— Увидел, как ты смешно умываешься. Мишка! Будь мужиком умойся нормально, да почисть зубы.

— А ты сам то почистил?

— Конечно. Я не только зубы почистил, а ещё ведро воды вот из такой же бочки на себя вылил.

— Да ладно!!

После этого разговора Мишке стало вроде как, не то чтобы стрёмно перед другом, что он холодной воды боится, а захотелось показать, что он тоже не неженка. Он заскочил в дом, схватил полотенце, зубную щётку с пастой, вернулся к бочке и начал усердно чистить зубы, потом набирая полные горсти воды, умылся, даже уши помыл, а в конце вообще нырнул головой в

бочку. Вынырнув взял с забора полотенце, вытерся и, махнул Даньке рукой: «Пошли завтракать». Забежал на кухню, на столе прикрытый вышитым по краям красивым узором полотенцем стоял его завтрак. Он снял полотенце, там оказались пироги и в глиняном кувшине молоко. Мишка налил в два стакана молока, попутно указывая Даньке рукой на стул, взял пирожок откусил и зажмурился от удовольствия, всё-таки какая у него бабушка кулинарка, такие вкусные пироги печёт, каких он в городе ни разу не пробовал. Они съели по два пирога, выпили молоко и, прикрыв полотенцем, оставшиеся пироги, выбежали из дома. Увидев бабушку в огороде, Мишка крикнул:

— Ба! Я с Данькой гулять!

— Ты хоть успел позавтракать, сорванец?

— Да, позавтракал, спасибо! — друзья сорвались с места и бегом понеслись на улицу.

Они ещё издали увидели, что Катька у своего двора кого-то метелит. Друзья подбежали и остановились, удивлённо глядя на мелкого Митяя с соседней улицы. Мелкий он был только с виду, а на самом деле ему тоже было десять лет, как и Мишке с Данькой, да и Катьке тоже было уже десять. Они увидели, как раскраснелось у Катьки лицо, рыжие две косички возмущённо торчали в разные стороны. Лицо у неё широкое, скуластое, но черты гармонируют с такой формой. Тонкие, красиво изогнутые брови, большие яркие зелёные глаза, узкая переносица, губы красивой формы и чётко очерченные. Вроде бы и симпатичная она, но при всех своих плюсах Катька воспринималась как один сплошной минус. Она била Митяя с неистовством, со злобой и огнём в глазах – насмерть! Парнишка не на шутку испугался, он не ожидал такого отпора от девчонки. Он давно знал, кто на что способен среди его сверстников, но чтобы Катька дралась, да ещё с таким остервенением для него это было неожиданностью, вот и попал как кур в ощип.

«Вот ведь ненормальная!» — думал Митяй, прикрывая разные места от Катькиных ударов. Он всего лишь дёрнул её за косичку, хотел, чтобы она обратила на него внимание, а она развернулась и не глядя врезала ему кулаком в глаз. Потом, подставив ему подножку толкнула, он упал, и начала его пинать по рёбрам. Катька-то девчонка справная, сразу и не отшвырнёшь, вот он и прикрывался от её пинков, как мог.

— Хватит, Катька, отвали! А то щас разозлюсь, да так вдарю, что ты забудешь, откуда приехала! — заорал Митяй.

— Чё, ты сказал? Я те вдарю, — зашипела красная огнедышащая Катька. У неё пересохло во рту, она тяжело дышала, уже давно устала от потасовки, но злость не унималась, да и сил ещё хватало, чтобы добить этого гада, чтобы неповадно было за косички дёргать.

— Всё-всё, Катька, отвали, я сказал, ты совсем оборзела, коза?! А то щас как разозлюсь и поколочу тебя!

— Чё, ты сказал? Я тебе запомню это. Поколотит он меня, дрищ несчастный!

— Конечно, запомнишь, зараза такая, всем известно, что у тебя хорошая память, а рука тяжёлая, — бубнил Митяй себе под нос, чтобы от Катьки добавки не получить.

Очень рано стал проявляться дурной характер у Катьки. Она не терпела обид, никогда никого не боялась, была, как говорила мама, сама себе на уме и очень тяжёлым своенравным ребенком, не поддающимся никакому воспитанию, как другие детки. Папа и мама до сих пор не вычислили, за какие такие чудовищные грехи им достался такой ребёнок. Катька не понимала, почему она тяжёлый ребенок, но очень быстро привыкла к этому, и даже запомнила слова мамы и бабушки, что ей будет очень трудно, если вся её дурь не выветрится. Какая дурь? Почему все окружающие её видят, а, она – Катька, кому по праву принадлежит эта дурь, её не чувствует и не видит в себе? И что это такое «дурь»? Да, она не похожа на других детей, которые, как ей казалось, бестолково тратят время на глупости. А Катька хоть и была своевольной и резкой, но всегда была уверена, что у каждого человека должна быть цель, к которой нужно готовить

себя с детства. Катька хотела быть врачом. И если бы её спросили, когда она захотела им стать, она не смогла бы ответить потому врачом она хотела быть всегда, сколько себя помнит.

Мишка подошёл к Митяю, помог ему встать и поинтересовался:

— Ты за что его так отфигачила, Катька? Как ты себя чувствуешь, Митяй?

— Как выгляжу, так и чувствую! — буркнул Митяй, держась за бок, а под глазом уже расцветал синяк.

— Не будешь оскорблять тех, кто выше тебя, — сказала безжалостная Катька.

— Тогда мне никого нельзя оскорблять, — сказал недовольно Митяй.

— Если ещё раз ты, Митяй, вздумаешь меня дёрнуть за косичку или как-то по-другому обидеть, зуб даю, урою! — В Катькиных устах это прозвучало как самая страшная клятва, и Митяй поверил ей безоговорочно. Даже Мишка с Данькой переглянулись, им тоже стало не по себе от такой угрозы. Друзьям вдруг одновременно пришёл в голову прошлогодний случай.

…Они втроём Катька, Мишка и Данька шли через луг, возвращаясь из леса с корзинками разной степени наполненности грибами, увидели огромного быка, отбившегося от стада.

— Мишк, а Мишк, глянь, — опасливо сказала Катька, — а бык то, кажись, на нас пялится.

Мишка посмотрел в сторону стада. Племенной бык-трёхлетка центнеров шести весом, краса и гордость совхоза, стоял, расставив ноги, и угрюмо смотрел на них.

— Да и пусть пялится, — проявляя внешнее спокойствие, хотя сердце готово было выскочить от страха, нарочито спокойно сказал Мишка. — Пошли потихоньку, только не бегите.

Мишка перехватил корзинку в другую руку и зашагал по дороге. За ним, подхватив свои корзинки, поспешили Данька с Катькой.

— Мишка! А он за нами идёт, — сказала Катька, оглянувшись. — Чё делать будем?

Мишка с Данькой оглянулись. Бык, мерно переставляя копыта и играя мускулами, неспешно, но целенаправленно брёл за ними, кивая рогатой головой с налитыми кровью глазами. Его чудовищная мощь тела пугала до дрожи в коленках.

— Пойдёмте быстрее, но не бегите. Щас дойдём до развилки и повернём к лесу, там и спрячемся.

Они быстрым шагом устремились к развилке. Мишка, вновь оглянувшись, увидел, что бык перешёл на бег, и они не успевают дойти до развилки, а тем более добежать до леса. Тогда он, бросив свою корзинку с грибами, крикнул:

— Бросайте корзины и бегите к лесу, что есть духу!

Побросав корзинки, надеясь, что бык на них отвлечётся, они рванули к лесу. Подобрав подол и сверкая голыми коленками, впереди всех бежала Катька. Рассвирепевший бык остановился, обнюхал корзинки, боднул стоявшую у него на пути, она повисла у него на роге, бык замотал головой, корзина сорвалась и улетела далеко от дороги, рассыпая грибы во все стороны, а бык рванул снова за ними к лесу. Катька бежала, и всё время оглядывалась, сил бежать уже не хватало, она слышала сквозь стук своего сердца, нарастающий и сотрясающий землю настигающий топот бычьих копыт. Ей казалось, что сейчас она упадёт и тут придёт ей конец, бык её или растопчет и оставит лежать на земле бездыханную или подцепит на свои огромные рога. В отчаянии она остановилась, повернулась лицом к догоняющему зверю и, соорудив из пальцев две фиги, вытянула вперёд руки, словно пытаясь оградить себя от надвигающейся неминуемой гибели.

И увидели Мишка с Данькой, как споткнулся бык, перешёл на шаг, потом остановился в двух шагах от Катьки, наклонив к земле тяжёлую широколобую башку со страшными, острыми, вразлёт рогами и выдул ноздрями с земли два взрыва пыли. Потом медленно развернувшись, побрёл по дороге к своему стаду, мотая головой, как будто он получил удар огромной силы между рогов. Даже бык не выдержал Катькиного агрессивного характера. Мишка с Данькой ошарашенно смотрели вслед быку, потом Мишка перевёл взгляд на Катьку и спросил:

— Кать! Чё это было?

— Сама не поняла! Я ему от отчаяния показала фиги, очень уж не хотелось умирать.

— Видимо у тебя, Катька, какие-то особенные фиги, волшебные, раз бык аж споткнулся, увидев их. Может ты ведьма или колдунья?

— Может, — не стала Катька спорить, — только мне об этом ничего неизвестно. Ладно, не стойте истуканами, пойдёмте, соберём рассыпанные грибы, да пора домой, а то нас, наверное, потеряли.

Шли молча под впечатлением только что случившегося. Пацаны хоть и не показывали виду, что им было страшно, но, когда убегали от быка каждый мысленно уже попрощался со всеми родными, кто возник в голове в этот момент. Их по дороге на своей двуколке догнал председатель совхоза Демьян Фёдорович Кочмарик. Замедлив бег лошади, спросил:

— Молодёжь! Вас подвезти?

— Спасибо, Демьян Фёдорович, мы лучше своим ходом, — ответила за всех Катька.

— Ну как хотите. Но, пошёл залётный! — Председатель с силой дёрнул за вожжи. Одр недовольно фыркнул и с вызывающей неторопливостью поплёлся по грунтовой дороге. Несмотря на новые рессоры, двуколка поскакала по кочкам, как горный козёл.

Очнувшись от воспоминаний, Мишка посмотрел на Митяя. Он стоял, держась за рёбра. Мишка подошёл к нему, отряхнул с его одежды пыль, и с укором посмотрев на Катьку, сказал:

— Кать! Может, не надо было его так-то. Подумаешь, дёрнул за косичку.

— Да я его не со всей силы. А вот если ещё раз попробует дёрнуть…

— Ладно, ты Митяй иди домой, отлежись, да на свой бланш хоть лёд что ли положи.

Митяй развернулся и направился в переулок, который вёл на его улицу. А Катька, хитро прищурившись, сказала:

— Пацаны! А давайте завтра отправимся в путешествие? Возьмём с собой еды, верёвки надо взять, фонарики, ну там…ножи, спички. Помнишь, Данька, мы с тобой видели пещеру? Сходим, посмотрим, что внутри.

— Замётано! Далековато, правда, надо еды взять с собой, — обрадовался Данька, — ты как, Мишка, согласен?

— Конечно, согласен. Только бы нас дома отпустили.

— А мы не скажем, что полезем в пещеру, да мне кажется, что о ней никто и не знает. Её ни с какой стороны не видно, вход кустами зарос, и песком почти занесло, — улыбаясь, сказал Данька, он уже подпрыгивал в предвкушении приключений.

— Отлично. Тогда до завтра. Катька, долго не спи, — Мишка развернулся и, подтолкнув Даньку, направился домой.

У Мишкиной калитки друзья расстались, чтобы приготовиться к завтрашнему путешествию. Бабушка, Анна Ивановна, нависла над грядкой с морковью, подставив солнышку выдающуюся часть тела, дёргала траву. Увидев внука, она еле разогнувшись выпрямилась, оглядев Мишку с ног до головы, поинтересовалась:

— Уже нагулялся?

— Ну, почти. Бабушка! Мы завтра рано утром собираемся пойти в лес.

— Кто это «мы»?

— Мы с Данькой и Катька. Можно я возьму с собой что-нибудь поесть и бутылку молока.

— Вот я сейчас тут немного дополю морковь, приду и сама соберу тебе еду. Только далеко в лес не ходите.

— Да мы не далеко. — Мишка развернулся и пошёл из огорода.

Вышел во двор, сел на крыльцо и стал думать, где взять верёвку, потому что, раз они идут в путешествие по лесу, то без верёвки никак, мало ли что… Он посмотрел вокруг себя и глаза зацепились за бельевую верёвку в огороде. Вряд ли бабушка разрешит ему взять её. Он решил, пока бабушка торчит над грядкой быстро отвязать верёвку и спрятать её в рюкзак, но переду-

мал, решил сначала поискать в доме такую же верёвку. Вряд ли бабушке продали в магазине несколько метров верёвки, скорее всего она купить целый моток, остатки которого где-то в шкафу. Он зашёл в дом, осмотрелся, прикидывая, куда бабушка могла положить моток. Его взгляд упал на тумбочку у двери. Он подошёл, открыл дверцу, вытащил коробку из-под обуви и увидел там верёвку. Взял моток и пошёл к себе в комнату, там быстро размотал верёвку, сложил вдвое, зацепил за ручку двери и начал скручивать оба конца вместе, чтобы она была крепче, хотя верёвка была капроновая, крепкая.

Скрутив верёвку, завязал на конце узел, смотал в клубок, открыл рюкзак и сунул его туда. На кухне взял нож, завернул его в кухонное полотенчико и тоже положил в рюкзак и встал, задумавшись: «Что ещё надо взять? А, да! Спички». Мишка вернулся на кухню и стал искать спички, но кроме коробочки, которая лежала на приступочке у печки больше не нашёл. Он не посмел забрать последние спички у бабушки, но его вдруг осенило поискать в бане. Мишка побежал в баню. Зашёл в прохладное и полутёмное нутро и как будто попал в другое измерение. Сюда не доходили никакие звуки. Тишина и полутьма нагоняла на него не то чтобы страх, нет, не страх, а какой-то холодок пробежал по спине. Он быстро прошёл по предбаннику, открыл шкаф, увидев стопку спичечных коробок, взял две штуки, спрятал в карманы и, выскочив из бани, быстро захлопнул за собой дверь. Дома он спички упаковал в полиэтиленовые мешочки и спрятал в боковой карман рюкзака.

Бабушка пришла, вымыла руки и стала накрывать на стол, пора было обедать. Когда сели за стол, Мишка взял ложку и уже занёс её над тарелкой с супом, как бабушка, сказала:

— Вы только далеко в лес не ходите. А то я помню, был у нас тут случай…. Бабушка надолго задумалась, а потом продолжила, — снимали тут у нас городские дом как-то летом и всё в лес бегали то за грибами, то за ягодами, то погулять, подышать сосновым воздухом. А однажды зашли слишком далеко и видно заблудились.

Мишка уловил в бабушкином голосе какие-то тоскливые нотки, отложил ложку и посмотрел на неё.

— Скучно тебе одной-то, бабушка? — спросил Мишка.

— Привычно. У вас своя жизнь, да и из города сюда не наездишься. Хорошо хоть тебя, внучек, привозят ко мне на лето. С тобой мне не так одиноко. К старости дни, как капли росы, один на другой похож. Никаких радостей. Да и вся-то моя жизнь сызмальства прошла в нужде да в горе. А теперь одно утешение – ждать, когда наступит лето, и ты приедешь ко мне на каникулы. А зимой мы вдвоём с самоваром коротаем дни и вечера. Разговорчивый он у меня. Вона слышишь, как он поёт свою нескончаемую песню. Она подпирает голову морщинистым кулачком и задумывается. Наверное, пенье самовара будит у неё воспоминания о пережитом.

Анна Ивановна, не торопясь, встаёт из-за стола, идёт на кухню и возвращается с самоваром, который водружает посреди стола, наливает и придвигает внуку стакан крепкого ароматного чая с мелиссой.

— Кто её, эту старость, выдумал. — Старушка, утерев глаза краем фартука, заботливо и ласково глядит на внука…

— Бабушка! Я завтра чуть свет уйду, ты не теряй меня.

Бабушка всплеснула руками:

— Господь с тобою, Мишенька, ну куда ты торопишься? Выспись, а потом и побежите в лес.

Её речь прервалась от стука в дверь.

— Входи! — разрешила бабушка. Дверь открылась и вошёл сосед, что живёт через дорогу, со своим большим семейством.

— Ивановна! Извини, что я не вовремя, у тебя хлеба не найдётся? Магазин закрыт на обед, а мои оглоеды есть просят.

— Вась, да конечно, найдётся. — Бабушка встала из-за стола и пошла к холодильнику, где она держала и хлеб тоже.

С улицы послышался крик Дениса, старшего сына Василия, от которого бабушка даже вздрогнула.

— А ну иди сюда паразит р-р-рыжий! Не смейте разбегаться в разные стороны! Не трожь топор! Ты в кого целишься зараза мелкая? Ай! Ну, всё, вы сами напросились. — Дальше послышался рык, дружный детский визг и заливистый смех.

— Похоже, пора идти спасать старшего сына от младшеньких! — сказал Василий и подозрительно довольный, насвистывая какую-то незатейливую песенку, пошёл спасать сына, не забыв прихватить хлеб. У соседа Василия близнецы были от второго брака, а от первого сын Денис, который учился в городе в институте. Зимой он приезжал редко, зато летом на каникулах жил по целому месяцу.

Когда Мишка с бабушкой вернулись за стол, Мишка вспомнил, что бабушка так и не рассказала про ту семью, которая потерялась в лесу.

— Бабушка! Так что случилось с той семьёй-то?

— А, так потерялись они, долго их искали, на пятый день только нашли. Едва выжили. Ягодами питались. Исхудали.

— Мы так далеко не собираемся уходить, мы тут по краешку погуляем.

— То-то и оно, что по краешку, а если увлечётесь и забредёте далеко?

— Бабушка! Не нагнетай! Мы же в школе изучали, как определить где север, а где юг. Да у меня есть компас на всякий случай.

— Ну, смотри внучек, а то не дай бог, если что, твои родители меня со свету сживут.

— Да ладно тебе, бабушка, страху то нагонять на себя и на меня! Всё будет нормально. Мы к вечеру вернёмся.

Анна Ивановна собрала внучку пакет с едой и отправилась допалывать грядки, а Мишка сел на ступеньку невысокого крылечка и стал вспоминать, что ещё нужно с собой взять.

Данька вышел из дома, дворовая собачонка Дымка обрадованно выкатилась из будки серым клубком и во весь дух понеслась к Даньке. Бросилась ему на грудь, быстро облизала всё лицо, радостно прыгая, пару раз гавкнула и уселась на задние лапы, виляя хвостом в ожидании угощения. Морда у неё подхалимская, она облизывается сухим языком, глаза источают преданность. Данька запустил руку в карман куртки, у Дымки не хватает терпения и она гавкает на Даньку. Он вытащил руку из кармана и подбросил кусочек сахара, Дымка поймала его на лету и быстро схрумкав, снова заглядывает Даньке в глаза и ждёт угощение.

— Всё, Дымка, нет больше у меня сахара, иди на место.

Данька, проверив несколько раз и убедившись, что ничего не забыл, чтобы друзья его не уличили в безответственности, с вечера предупредил мать, что завтра вернётся только к вечеру. Он никогда не уходил из дому надолго, мать всегда беспокоилась, а когда она беспокоилась, рука у неё была тяжёлая. Данька побежал к Мишке.

Мишка, сидя на крыльце, наблюдал, как Данька бежит по улице. Он вошёл во двор, сел рядом и поинтересовался:

— Мишка! Ты фонарик не забыл взять?

— Ох, ё-моё! Конечно, забыл! Посиди, я сейчас, — и унёсся в дом.

— Хорошо, что ты напомнил! — сказал вышедший из дома Мишка, — теперь вроде всё взял. Да, кстати, Данька ты в кроссовки надень тёплые носки, в них и ходить мягче и ноги не натрёшь. Я взял с собой на всякий случай лейкопластыри и мазь от комаров.

***

Мишка попросил бабушку разбудить его в пять часов и с чувством исполненного долга лёг спать. Сон не заставил себя долго ждать. Не успел Мишка перебрать мысленно всё, что он взял с собой, как отключился. Ему казалось, что он только что закрыл глаза, как услышал

стук в окно. Мишка скинул с себя одеяло, подскочил к окну и, отдёрнув шторку выглянул. Там стоял Данька с рюкзаком за плечами и маячил ему руками, чтобы Мишка поторопился. Только Мишка надел штаны, как вошла бабушка.

— А, ты уже проснулся, соколик мой, ну иди завтракать, а я пойду корову доить.

Мишка быстро оделся, забежал на кухню, съел пару блинов, выпил стакан молока, схватил рюкзак и вышел из дома. Ему навстречу шла бабушка с полным подойником молока. Она уже успела подоить корову и отправить её в стадо.

— Уже побежал? Может, выпьешь парного молочка?

— Нет, бабушка, спасибо, я уже позавтракал, меня Данька ждёт!

— Вот ведь непоседы! Ну, беги, коли так.

Они дошли до Катькиной калитки, она сидела во дворе на пеньке, увидев мальчишек, подхватила свой рюкзак и вышла на улицу.

— Привет, пацаны! Долго спите! — выказала своё недовольство Катька.

— Да ладно тебе, ещё даже солнышко не взошло, — ответил Данька.

— Ну и чё стоим? Пойдёмте уже! — Катерина, закрыта калитку на щеколду и зашагала к переулку, который выходил на соседнюю улицу, а оттуда к лесу вёл ещё один переулок.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.